

Девочка всегда, насколько ей самой позволяло чувство голода, помогала животным и птицам, подкармливая их крошками рогаликов от завтрака и кусочками копчёной колбасы. Последствием этой её благотворительности было постоянное сборище птиц у неё во дворе. Девочка любила создаваемый ими беспорядок, хотя порой, особенно по утрам, ей хотелось, чтобы её садик находился подальше от окна. Птицы, нахальные и невоспитанные от природы, будили её на заре, словно по праву требуя крошек. Они нервировали девочку всю весну и всё лето, но зато осенью и зимой, когда перелётные птицы её покидали, она скучала по их гомону и гвалту и даже чувствовала себя немного одинокой и никому не нужной. Втайне она надеялась однажды всё-таки убедить какого-нибудь соловья или ласточку составить ей компанию и остаться на зиму. Мечтала, что научит их греться у печки, кормиться в доме вместе со всеми и, что самое важное, её не бояться. Даже уговорила отца задолго до весны соорудить скворечник. И, чуть только ушли морозы, каждое утро просыпалась с ожиданием увидеть в нём новых жильцов.

С появлением первых фиалок прилетели и ласточки, одна-единственная пара. Они о чём-то перешёптывались под стрехой, а потом улетали и возвращались, принося в клювах соломинки, верёвочки, травинки, комочки мха и земли. Девочке казались такими красивыми их хвосты и нежные маленькие головки, что она, любуясь ими, всё утро не сдвинулась с порога. Где-то около полудня она поняла, что её скворечник ласточки не заметили и строят возле кухонного окна маленькое простое гнездо, серое и невзрачное, в котором едва хватало места для них обоих.

— Обращаю ваше внимание, что немного левее, на спиленном столбе, для вас уже есть домик! — сказала девочка очень учтиво.

Ласточки, отлетев на три шага, сели на куст сирени.

— Ты имеешь в виду — гнездо? — спросила одна.

— Домик, — похвалилась девочка. — Он выкрашен в красный цвет. И он очень удобный.

— Вот этот, красный? — спросила вторая ласточка удивлённо. — Выглядит как маленькая собачья конура, а отверстие в нём похоже на свиное дупло.

Девочка не отставала, хоть и немного обиделась: — Неприлично искать недостатки в доме для гостей!

— Ты права, — согласилась та же ласточка. — Поэтому лучше построить дом на свой вкус.

— Если бы я тут снесла яйца, они бы разбились, потому что пол слишком твёрдый. Да и малыши бы замёрзли — я не смогла бы их согреть, потому что и домик, и отверстие в нём слишком велики. Спасибо тебе, но в нём мы жить не будем, не сердись, — закончила вторая ласточка, словно извиняясь.

— Да мне-то что за дело? — буркнула девочка сердито. — Будто у меня других забот нет, как только о вас волноваться! — и ушла в дом.

В следующие дни девочка, негодуя, смотрела, как все в доме радуются, находя птиц милыми, а гнездо совершенным. Она сердито уходила в дом и закрывалась в шкафу, чтобы избежать этого общего восхищения.

«Тоже мне! — сердито думала девочка, вдыхая запах нафталина и платяев. — Да мне подумать страшно, какой гвалт тут поднимется, когда выльются птенцы, — хоть из дому беги. А потом и эти новые понастроят гнёзд в каждом углу и выведут птенцов, к ним подселются другие птицы и тоже построят гнёзда всюду, куда ни глянь. Да мы же за их перьями и неба не увидим! Они отнимут весь наш хлеб. Может быть, даже чердак рухнет под их тяжестью. Персиковому дереву они поломают ветки, а сирень оциплют до самого корня. Мы вообще без дома останемся — всё здесь станет одним огромным птичником. А все радуются, беды не сознавая!»

Чувствуя, что катастрофа уже близка, девочка каждый день, когда обе ласточки где-то летали, взбиралась на окно и заглядывала в гнездо. Оно, высланное изнутри пухом, действительно было мягким и тёплым. Девочка постоянно ожидала увидеть в нём яйца, но, когда впервые их увидела — пегие, с нежной скорлупой, намного меньше куриных, — то почувствовала, как ей что-то подступило к горлу, словно вот-вот заплачет. Подумала ещё,

что вот сейчас удачный момент, когда можно защитить свой дом от грядущего птичьего нашествия: ведь если побросать яйца на землю, из них никогда не появятся птенцы. Яиц было четыре. Девочка взяла одно, положила себе на ладонь, но бросить на землю не смогла.

— Ладно, лежи. Но завтра тебе от меня не уйти! — пригрозила она, осторожно вернув яйцо на место. — Ты ещё увидишь, кому собираешься разрушить дом!

Всю ночь девочке снилось, как плачущие ласточки навсегда улетают на юг одни, без малышей, как летит над домом скорбящая стая, а в красный скворечник заселилась сова и довольно ухает. Проснувшись, девочка подумала, что четыре яйца, пожалуй, не такая уж и опасность для дома, и решила, что сперва посмотрит, как птицы будут себя вести. Ну а прогнать их, если будут невыносимыми, она всегда успеет. А скворечник на всякий случай отнесла в сарай.

В последующие дни одна ласточка всегда лежала на яйцах в гнезде. Вторая непрерывно летала, добывая еду, — но, как она ни старалась, та, в гнезде, становилась всё слабее. Девочка, наблюдавшая за происходящим через окно, начала волноваться.

Однажды она, взобравшись на стул, поднялась к гнезду, чтобы предложить ласточке крошек и молока. Не поняв её добрых намерений, слабая ласточка в ужасе поднялась над гнездом, громко пища и хлопая крыльями. Девочка увидела в гнезде три яйца и ещё что-то волосатое, пытавшееся пищать широко открытым клювом. Потрясённая и встревоженная, она оставила крошки возле гнезда и быстро ушла.

— Я видела птенца, — присев на пороге, сказала она вслух. — Только он ни на что не похож. Он весь как один огромный клюв.

— Он просто голодный, — сказала ласточка, которая сразу же вернулась в гнездо и вновь легла на яйца.

— И волосатый! Где это видано — волосатая птица?! Это совершенно неестественно.

— Да это самая красивая птица из всех, кто вылупился в этом году! — возразила ласточка рассерженно. — Сейчас она ещё маленькая и слабая и покрыта пухом, но когда у неё вырастут крылья и настоящая перья, ты в этом убедишься. Это будет великолепный большой самец, вожак стаи. — Ты думаешь? — спросила девочка, ощущая прилив гордости оттого, что такой значительный птенец вылупился возле её окна.

— Убедена. Посмотри, какая у него правильная голова. И какой замечательный клюв, совершенно особенной формы! Он вырастет в исключительную птицу, говорю тебе.

В следующие несколько дней и из остальных яиц вылупились птенцы, настолько безличные и похожие на первого, что девочка их и не различала,

но в полной мере участвовала в ласточкином восторге. Ласточка строила своим птенцам планы на будущее. Первому она уже определила роль вождя, второй, по её мнению, должен был стать великим дипломатом, третий, отличавшийся острым слухом, — разведчиком, а последний, самый маленький, — мудрецом.

Птенцы росли. Были они милые, жадные, неуклюжие и ничуть не старались соответствовать ожиданиям родителей. Первый вырос хоть и сильным, но очень близоруким и обычно весь день проводил в задумчивости. Тот, что должен был стать дипломатом, был таким задирой, что разве только сов по ночам не гонял. Птенец с острым слухом целыми днями пел, но летать учился неохотно. А самый маленький так любил воровать блестящие предметы, что родители всерьёз опасались за сохранность звёзд на небе.

Прошла тёплая часть сентября, и уже чувствовалась осень, когда молодые ласточки перестали возвращаться в гнездо. Девочка несколько дней прождала их на пороге, стараясь не показывать своей встревоженности. Старые ласточки перешёптывались друг с другом, сидя на уже уставшем распускать листья кусте сирени.

— Их нету! — наконец вымолвила девочка, слегка изумлённая тем, что ласточки-родители ничуть не отчаиваются.

— Они есть, — ответила одна ласточка. — Просто они в другом месте.

— Я за них беспокоюсь. Они так малы и немощны. — Ерунда, — сказала другая ласточка. — Они вполне способны жить сами.

— А хищники? А звери? Ведь с вашими детьми сейчас может произойти всё что угодно.

— Может, — ответила ласточка. — Как и с нами, как и с кем угодно ещё.

Ветер, мягко лаская листву в кронах деревьев, пытался растрепать совершенную укладку перьев на ласточкиных грудках.

— Вам не жаль, что они вас оставили?

— Жаль, — сказала одна ласточка, — но это не важно. Сейчас хорошее время для того, чтобы уйти.

— Какое время? Если бы я так ушла, мои родители просто умерли бы от тоски и беспокойства. Да и я, думаю, умерла бы без них, — сказала девочка с плохо скрываемым укором.

— Это потому, что твои крылья ещё совсем немощны, — улыбнулись ласточки. — Родители, любящие своих детей, тихо прощаются с ними с первого же дня. Расставание — это и способ взросления, и последнее доказательство родительской любви. Как иначе из птенца выйдет птица?

— Всё равно, — сказала девочка строго. — Вы же не вывели их на правильный путь!

Ласточки изумлённо переглянулись.

— Какой ещё правильный путь? Они — прекрасные молодые птицы. О чём ты говоришь?

— Вы не воспитали их как полагается.
— Это неправда! — загалдели ласточки. — Мы научили их всему: летать, добывать пищу, укрываться от непогоды, ускользать от хищников. Они готовы к осеннему перелёту, а это самое важное.
— Как будто чьё-то будущее зависит лишь от навыков полёта и добытых крошек! — процедила девочка презрительно. — Я говорю о более значительных вещах.

— Что же может быть значительнее полёта и пищи? Значительнее самой жизни?

— Быть порядочным, например! — крикнула девочка, которую последнее время сильно задевало за живое поведение самого младшего птенца.

Ласточки переглянулись.

— О чём ты говоришь?

— О вашем младшеньком. Он постоянно крадёт оловянные пуговицы, отрывая их от моего плюшевого медведя. А ведь эти пуговицы медведю заменяют глаза!

Ласточки вздохнули с очевидным облегчением.
— Чего же ты волнуешься? — спросила одна. — Птенчик просто любит блестящие вещи. Надеюсь, ты не веришь, что плюшевые медведи действительно видят своими глазами-пуговицами?

— Не верю, — сказала девочка мрачно, — хотя ещё помню время, когда верила. И сейчас иногда верю, перед сном. Не в этом дело. Просто это его пуговицы, медведевы! И точка! И ваш птенец не имеет права брать чужого.

Ласточки лишь посмотрели на неё с изумлением.
— Что значит чужое? — спросила одна, стеснительно переминаясь с ноги на ногу. — Не понимаю я тебя. Как вещь может быть чьей-то? Вещами можно только пользоваться.

Девочка задумалась.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Вот у вас есть гнездо. Оно ваше.

— Только до тех пор, пока мы в нём, — сказала одна ласточка.

— Мы им пользуемся, — поддержала её вторая. — А когда мы уйдём, оно станет чьим угодно.

— Но допустим, что вы ещё живёте в нём, и вдруг появляется большая птица, отнимает ваше гнездо и уносит его далеко. Что бы вы тогда сказали? Сказали бы, что она у вас украдала ваше собственное гнездо, вот что!

— А зачем большим птицам маленькое гнездо? — спросили ласточки удивлённо. — Им же в нём ни сесть, ни встать. И разве его можно просто унести и потом прилепить где попало?

— Ничего вы не понимаете! — воскликнула девочка в отчаянии. — А если у вас отнимут, например, вашего собственного червяка?

— Мы вообще-то не едим червяков, — ответила одна ласточка брезгливо.

— Кроме того, это не одно и то же, — заявила вторая с достоинством. — Червяк — самостоятельное

существо, а не вещь, которой кто-то пользуется. Он свой, свой собственный. Будь я, скажем, голубем, я бы на него охотилась, потому что он был бы для меня пищей. Только и всего. А будь червяк больше, чем я, дела бы обстояли иначе. Может быть, тогда бы он на меня охотился, как это делают змеи. Так что если бы у меня отобрали червяка, как ты говоришь, то я бы или боролась за свою пищу, или поймала другого червяка. Но не называла бы обычную борьбу за жизнь порядочностью или непорядочностью.

— Это потому, что ты не человек, — сказала девочка, важничая. — У людей всегда точно известно, что есть чьё: я отнюдь не должна носить сразу все свои пять летних и четыре зимних платья, чтобы знать, что они мои.

— Вот это-то и смешно. Зачем тебе столько платьев? Ведь требуется-то тебе всегда только то платье, которое ты носишь.

— Ничего вы не поняли, — сказала девочка неуверенно. — Всё-таки это гнусно, когда птица, которая должна была стать мудрецом, становится воришкой.

— Ах, чепуха! — говорит одна ласточка. — На это никто не может повлиять. «Каждый носит в себе все начала и возможности. Стать мудрецом, или воришкой, или ещё кем угодно — это просто осуществлённые существом возможности в границах его развития, определяемого детерминантой вида». Понимаешь ли?

— Нет.

— И я нет, — засмеялась ласточка весело. — Этому меня научили наши мудрецы. Если призадуматься, то, может быть, это тоже откуда-нибудь украдено. — Может быть, — сказала девочка задумчиво.

— И украдено, может быть, из всё той же любви к блестящему.

— Вероятно, — согласилась девочка и спросила озабоченно: — Как тогда человеку различить, что его, а что не его?

— За человека сказать тяжело, — загалдели ласточки. — Но, по крайней мере, попробуй во всём разглядеть только то, что покажется тебе блестящим и ценным. Приблизься к нему. Если оно тебе действительно требуется, оно станет твоим. Но никогда не забывай, что и чьим угодно.

— Вы совершенно аморальны, — вздохнула девочка. — Ага, — довольно заворковали ласточки. — А что значит аморально?

Понимая, что вопрос был чисто академический, девочка принесла ласточкам крошек и рассыпала у окна. Ласточки припорхнули, ничуть её не боясь, но осторожничая скорее по привычке.

— Может быть, они всё-таки вернуться, — вздохнула девочка, глядя на плывущие облака, подталкиваемые холодным ветром.

Ласточки переглянулись.

— Это у тебя были первые птенцы в доме?

— Да,— кивнула девочка, едва не заплакав.— Только бы с ними ничего не случилось!

Ласточки подлетели к ней совсем близко.

— С ними случится всё. Их будет хлестать ветер, им придётся голодать, замерзать и болеть, они будут бороться за хлеб насущный с теми, кто сильнее их. Они полюбят других, построят себе дом, вырастят своих птенцов. И останутся без тех, кого любили. И так много раз. А затем, когда придёт время, они исчезнут. Сгинут, как и все. Ты плачешь?

— Нет,— сказала девочка, утерев слёзы.— Просто подумала, что было бы неплохо, если б я могла их защитить.

— От боли?— спросили ласточки мягко.— Не сможешь. И это хорошо. Иначе что бы они знали о счастье?

— А вдруг они не дождутся своего счастья? Вдруг с ними произойдут страшные события, пока они ещё немощны и не в силах им сопротивляться?

— Имей доверие к жизни,— сказали ласточки и вспорхнули к гнезду.— Никто не немощен. «Каждое мгновение жизни есть счастье, потому что оно оторвано от ничтожества вещей».

— И этому вы научились от своих мудрецов?— улыбнулась девочка сквозь слёзы.

— Ага!— хором сказали ласточки, поудобнее устраиваясь в гнезде.— Кто знает, может, под этим блеском действительно что-то есть?

Несколько следующих дней, предчувствуя расставание, девочка придумывала, что скажет ласточкам накануне перелёта. Но когда однажды, проснувшись, не услышала привычного воркования, она поняла, что они улетели, не попрощавшись.

Девочка забралась на окно и заглянула в пустое гнездо— в нём лежало лишь одинокое чёрное пёрышко. Никакой записки, никакого прощального письма! Грустная, она прошла в садик, словно надеясь, что ласточки всё-таки улетели не слишком далеко. В садике царила роскошь увядания. Девочка подошла к персику и прислонилась лбом к его коре— персик тихонько позванивал над её головой маленькими бубнами золотых, зелёных и красных листьев.

«Я знаю,— подумала девочка,— что буду скучать. Зато спать буду спокойно— до следующей весны, когда опять налетят какие-то ошипанные птицы и начнут меня убеждать, что они и есть наши прежние птенцы из этого года, что они пришли строить гнёзда и выводить малышей, потому что жизнь едва не перебила им крылья и они чуть было не умерли от полёта и радости. Это и есть так называемое взросление!»

Затем, поймав на лету красный лист, осторожно надгрызла жилку посредине. Стаи птиц стремительно переплывали серое бездонное небо. Первые летели взрослые птицы— спокойные и уверенные, они рассекали воздух, словно стрелы. Девочка с минуту зачарованно наблюдала их гордый полёт.

Шурша опавшей листвой, к ней подошла старшая сестра.

— Как пасмурно!— сказала она.— Вот и ласточки улетели. Надеюсь, что малыши выдержат перелёт.— Выдержат,— спокойно ответила девочка.

— Откуда ты знаешь? Разве тебе не жаль, что они улетели? Что им сейчас трудно?

— Мне жаль,— ответила девочка.— Но так они становятся птицами.